

Михаил Юрьевич Байдаков –

издатель альманаха «Развитие и экономика», председатель правления «Миллениум Банка», президент Фонда Святого Всехвального апостола Андрея Первозванного

Сергей Николаевич Белкин –

главный редактор альманаха и портала «Развитие и экономика»

Нерешенные задачи

Нерешенные задачи иногда возвращаются и вновь требуют их решать. А если задачи поставлены самой историей, то они возвращаются непременно. Плохо, если мы не осознаем их как «исторические», опасно, если не понимаем, что они порождены объективным ходом вещей: мы тогда от них отмахиваемся, уговаривая себя, что те проблемы ушли в прошлое, а сегодня перед нами новые – актуальные – задачи.

Четверть века тому назад, разрушив СССР и провозгласив рождение «новой России», мы отбросили в прошлое всё, что считали «проблемами социализма». Социализм был нами казнен, уничтожен и сдан на свалку истории со всеми своими нерешенными проблемами. Именно это по сути и провозглашалось «архитекторами новой России», исходя из этого строилась стратегия нового – «очищенного от социализма и коммунизма» – государства.

Что же нам удалось? Какие задачи были поставлены, какие проблемы решены, каких целей удалось достичь? Авторы не склонны просто «ругать власть» и не замечать того, что многие задачи решены и заявленные цели – достигнуты. Была цель: уничтожить социализм – ее достигли. Была цель: построить капитализм – ее тоже достигли. Была задача ликвидировать систему управления государством, названную «административно-командной», – ликвидировали. Решили в качестве универсальной системы управления обществом запустить рыночные отношения – запустили...

Авторы склонны не критиковать, а размышлять о том, правильны ли были цели? Насколько верными они были с точки зрения развития общества? Удалось ли, например, использовать те огромные возможности, которыми обла-

дает капитализм в развитии промышленности и накоплении капитала? Удалось ли раскрепостить личность и получить всплеск творческой активности, свободной от идеологического диктата, обогатить самих себя и человечество новыми научными, художественными, культурными достижениями? Смогли ли мы за четверть века вырастить новое поколение, которое образовано лучше предыдущего, способно к социальному и промышленному конструированию, которое знает, как и в каком направлении следует развивать государство? Удалось ли нам придумать и воплотить в жизнь эффективный механизм влияния общества на управленческие решения элиты или нам хватило многократного повторения слова «демократия» в качестве мантры? Сделали ли мы людей более счастливыми? Живем ли мы с чувством гордости за свою сегодняшнюю страну? Стала ли страна позитивным примером для других стран? Построили ли мы, в конце концов, заявленное в Конституции «социальное государство» или хотя бы понимаем – что это такое? Наконец, научились ли мы своевременно различать исторически нерешенные проблемы развития общества, игнорирование которых приводит к разрушению общества и его конструкций?

Четверть века тому назад мы уже разрушили государство, тоже считавшее себя «социальным», – обществом социальной справедливости. К тому же это государство было для большинства из ныне живущих – Родиной. То общество и то государство тоже ставили перед собой цели, решали задачи собственного развития: промышленного, сельскохозяйственного, улучшения быта и «удовлетворения возрастающих потребностей». Что-то «тому государству» решить удалось, что-то – нет.

И вопрос сейчас состоит не в оценке СССР, а в необходимости понять — какие из задач, решавшихся нашим народом в тот период, были «историческими», то есть поставленными самим процессом нашего существования на земле и стремлением к исполнению земной миссии, реализации предназначения. Надо попытаться эти задачи осознать, чтобы вовремя увидеть их возвращение в новые времена: «исторические» проблемы не уходят, пока не оказываются разрешенными.

Пройдя четвертьвековой путь, мы сломали то, что сломали, и построили то, что построили... И по всем признакам вновь вступили в полосу социальных трансформаций. Вновь конструкция государства испытывает перегрузки, угрожающие новым обрушением. Мы уже наблюдаем сегодняшние проявления тех глубинных процессов и противоречий, которые не были осознаны во времена СССР и которые стали причиной распада и государства, и его институтов. Поэтому опыт СССР становится не просто историческим нравоучением, а практически важным знанием о социальной динамике и ее неотменяемых закономерностях.

Актуален ли в связи с этим опыт СССР? Несомненно — да! Хотя бы потому что это наш собственный, наш единственный, наш органичный опыт. Сейчас в нашем обществе и государстве протекают очень похожие процессы распада структур, несущих конструкций. А разрушение социальных конструкций, распад структур всегда есть следствие размывания или утраты смыслов. Смыслы «сами по себе» — бессмертны и неуязвимы, они пребывают где-то «в мире идей», причем — в полной безопасности. Однако там они существуют в такой же полной стагнации.

Смыслы становятся влиятельной силой, «субстанцией действия» и «скрепами» только посредством деятельности людей. В обществе должны иметься люди — носители и промоутеры идей и смыслов: жрецы, брахманы, пророки, мудрецы, политики, идеологи... Воздействие смыслов на общество осуществляют они и созданные ими институты — партии, правительства. Утрачивают партии и правительства смыслы как «субстанции действия» — общество разрушается.

КПСС рассыпалась, потому что ее в последние десятилетия существования удерживали лишь такие вещи, как «партийная дисциплина», как страх — уже не тот страх сталинского времени, а страх мелочный, скорее даже приспособленческий невроз, а не страх. Смыслы ее уже не удерживали. КПСС удерживало также то, что она являлась параллельной исполнительной властью системой управления народным хозяйством, но в этом своем качестве она была наполовину паразитным звеном и вполне заменяема. А вот единство смыслов и высоких целей, которое она должна была обеспечивать, было утрачено, вернее — превращено в лозунги, лишённые «огня»: «пепел Клааса» уже не стучал в сердца коммунистов. А без «пламенных революционеров» и без религиозного горения, от которого КПСС не просто отказалась, а боролась с ним, как только могла, — без этого распад основного института, призванного обеспечивать развитие, движение вперед, каковым и была в то время Коммунистическая партия, становился неизбежным.

Так что СССР рухнул не потому только, что его утащила за собой погибавшая партия — несостоятельная носитель-

ница смыслов, но и потому, что эти смыслы перестали быть силой, объединявшей, удерживавшей страну от распада. Одни партийные жрецы-идеологи закостенили в догматике и тормозили развитие, другие променяли свое духовное водительство, свое смысловое предназначение на материальное обогащение.

Важно, однако, не забывать, что для целостности и прочности государства нужны не просто скрепляющие его институты, смыслы, цели и задачи: такие смыслы и цели есть и у любой банды, у каждой ОПГ. Нужен высший, объединяющий всех смысл существования государства как целого и его развития. Утрата именно этого высокого смысла — один из уроков СССР. Неужели историческое предназначение современной России в том, чтобы к этому уроку СССР добавить еще один: замена высоких идейных смыслов существования государства как целого на разрозненные цели составляющих его ФПГ и иных институтов — тоже приводит к распаду государства?

Просто отбрасывая опыт СССР, заменяя анализ — оценкой, мы допускаем ошибку, которая неотвратимо обернется трагедией. И неважно, какой оценкой мы обошлись: негативной или позитивной. Не поняв глубоко природу возникновения непримиримых противоречий и их многолетнего развития, приведшего к гибели КПСС, и нарастания противоречий в системе государственного управления СССР, мы почти наверняка повторим эти ошибки при встрече с возвращающимися уже в новых условиях и на новом витке исторически нерешенными проблемами. И тот уровень псевдоанализа, который был явлен в перестроечные годы в форме обличения «административно-командной системы» и «партократии», есть профанация и пропаганда, а не анализ. Повторим: надо изучать историю болезни умершей сущности, даже если никто не собирается ее воскрешать. Дело ведь не в том, чтобы побольнее ударить по своему «проклятому прошлому», и дело вовсе не в том, чтобы «это никогда не повторилось»: еще Гераклит знал, что возродить прошлое невозможно. Да и не стремится к этому возрождению никто.

Да — социализм вместе с СССР убит, капитализм в России построен... Возникли новые структуры, новые несущие конструкции общества. Прочны ли они? Не смертельны ли для них — а значит, и для государства — раздирающие нас противоречия? Едина ли в своих смыслах «Единая Россия»? Есть ли у членов этой самой влиятельной партии объединяющая их высокая духовно-политическая цель, глубинный смысл? Едино ли, целостны ли в этом смысле и другие важнейшие институты общества и государства — армия, система образования, специальные службы?

Чтобы понять те процессы в общественной динамике, которые приводят к опасным напряжениям в наших общественно-государственных устройствах и конструкциях, надо уметь эти противоречия видеть, различать, научиться принимать своевременные меры по предотвращению социальных катастроф, по адекватной адаптации государственных и общественных институтов к требованиям времени. А сделать это можно только на основании доброжелательного и глубокого постижения собственной жизни, опыта своей страны.

Попыткам осмыслить опыт СССР посвящены основные статьи настоящего номера альманаха.